

ГЕКТАРОМ ОБЩИМ НЕ ИЗМЕРИТЬ

Во времена Фета наименьшей единицей площади для земельных участков в России была десятина (1,0925 га). Наделов меньше десятины не было даже у крестьян. Хотя существовала единица площади квадратная сажень (4,55 кв. м), но землю никто ей не мерял. Копна, специальная мера площади покосов (а не объема сена, как можно было бы подумать), равнялась 240 кв. сажень. Серьезное землевладение начиналось от 1 тыс. десятин. Вообще до отмены крепостного права (1861) поместья мерялись не площадью земельных угодий, а числом крестьянских душ, никто не говорил «У меня тысяча десятин в Тверском уезде», но «У меня поместье в 800 душ». Многие помещики и не знали точно, сколько у них десятин, пока не начался процесс размежевания с выходящими на волю крестьянами. Точного кадастрового учета земли в России не было уже тогда.

лах, считал то имение принадлежащим жене. А значит, и деньги, с процентами вырученные от его продажи. Снова инвестированный, этот капитал делал Воробьевку «имением жены» по признаку происхождения денег, о чем знали только близкие друзья.

Может возникнуть вопрос: как это крепкий хозяйственник Фет купил на женины деньги огромное имение, даже не взглянув на него, по одному слову коммивояжера Иоста? Очень просто. С одной стороны, у Фета была возможность предварительно убедиться в том, что Александр Иванович Иост не до такой степени обрусел, что за откат с продавца впарит ему втридорога некондиционный объект. После 17 лет мытарств с великорусскими управляющими немец в орловской глубинке нашел швейцарца — это было счастье. А с другой стороны, как же, должно быть, приятно было Афанасию Фету включить наконец русского барина: я, дескать, распорядился именьице прикупить, а там уж Александр Иваныч все устроил в лучшем виде.

И на шестом десятке Фет зажил наконец настоящим русским поэтом: рубил дубовую рошу на продажу, по имению разъезжал в тележке, запряженной ослом (поэтическая вольность-с), переводил римских классиков и Шопенгауэра, издавал стихотворные сборники, которые никто не покупал. И принимал у себя гостивших по месяцам юного Владимира Соловьева, художника Досекина и прочих «бедных кочующих артистов в истертых галстуках и поношенных фраках».

Я памятник себе воздвиг без разрешенья

И все-таки Фет был прежде всего поэтом, и ему как человеку слова мало было поднять из руин свою биографию. Это достижение еще должно было стать фактом литературы. За два года до смерти Фет издает «Мои воспоминания» (М., 1890). Он решил объяснить потомкам, кто в русской литературе был настоящим помещиком, а кто — так, проездом из Буживаля в Париж.

Так, по Фету, выходило, что Лев Толстой занимался своими крестьянами и усадьбой от избытка энергии. Вот было у 29-летнего графа увлечение гимнастикой: ходил он в фитнес-центр в Москве на Покровке; потом переехал в Ясную Поляну и турник с собой привез, но на деревенском воздухе этого оказалось мало, так Толстой еще и школу для крестьянских детей завел. Конечно, Лев Толстой был крупнейшим авторитетом уже в конце 80-х, и Фет ошибок в управлении Ясной Поляной благоразумно не касался. Зато Тургеневу досталось по полной: тот в русской деревенской жизни вообще ничего не понимал. Как и Алексей Константинович Толстой, не умевший распорядиться заготовкой сена.

Когда Фет покупал Степановку, она была больше похожа на слегка облагороженный хутор, чем на усадьбу

Увлечшись сатирой на бесхозяйственность соседей, Фет и выдал себя с головой. Великий русский лирик немецкого происхождения не почувствовал, что столбовому дворянину не пристало быть хозяйственным. Севоборот, рачительное лесоводство, почем четверть овса у борисовских — все это удел мелкопоместных и вдов, выводящих в люди по пять человек детей. Коренной русский литератор на вопрос, сколько стоит левая пристяжная, отвечает: «Я этого совершенно не знаю, так как хозяйством решительно не занимаюсь» (эпизод с А. К. Толстым, описанный Фетом). Сельская предприимчивость Фета фактически ввела его в круг крупных землевладельцев. Но из попытки закрепиться в этом кругу идеологически поначалу ничего не получилось. Писалось «как-то раз мы с соседом моим Львом Толстым», а вышло «как я стал русским помещиком, еще и получше Тургенева». Старому русскому барину срочно требовались другие воспоминания.

И Фет их написал. «Ранние годы моей жизни» вышли в 1893 году, уже после смерти автора. Читать этот текст невозможно. «В числе ближайших соседей было в селе Подбелевце семейство Мансуровых с почтенным стариком Михайлом Николаевичем во главе. От времени до времени старик приезжал к нам на дрожках, запряженных парой добрых гнедо-пегих лошадей. Старик, очевидно, передал заведывание хозяйством в руки старшего сына Дмитрия Михайловича, который по временам тоже приезжал к нам в гости и нередко с двумя сестрами смолянками: Анной и Варварой Михайловнами...» — и так 200 страниц, без фабулы, без характеров, без развития внутреннего мира рассказчика, без композиции. Стоит открыть любое стихотворение Фета конца 1880-х годов, чтобы убедиться: старик все это прекрасно умел. Но в «Ранних годах» Фет как бы утверждает: «Это вам не литература, это документ, факсимиле, какие могут быть вопросы к стилистическим красотам факта?» Фет свидетельствовал: какую бы злую шутку ни сыграла с ним судьба в молодости, в детстве он уже был там, где положено быть всякому порядочному русскому писателю, — в родовом имении, среди скучающей дворянни, чудаковатых соседей, домашних солений и разговоров об урожае, о вине. Постройку собственной биографии коренного русского землевладельца Афанасий Фет завершил тем, что сам себе выписал разрешение на строительство. ●

Продажа Степановки позволила Фету потратить на покупку Воробьевки 105 тысяч рублей